

в экспедиции 1917 г.,⁶⁴ и экспедиция была организована совместно с Московским археологическим обществом.

Таким образом, экспедицию 1916 г. в целом трудно назвать удачной: мало было получено конкретных научных материалов, невелики были и практические результаты охраны памятников. Основное значение этой незначительной по масштабам экспедиции заключается, по-видимому, в том, что она наметила план дальнейших систематических работ и привлекла внимание к памятникам Трапезунда как отечественных, так и зарубежных ученых. Наконец, она пробудила интерес к собственной истории у жителей Трапезунда, о чем свидетельствуют организованные в городе музей и Общество любителей старины.

В. Н. ЗАЛЕССКАЯ

АРХИВ А. П. СМИРНОВА В ГОСУДАРСТВЕННОМ ЭРМИТАЖЕ

Имя историка искусства, византиниста, А. П. Смирнова (1889—1930 гг.) в настоящее время известно лишь узкому кругу специалистов. С 1919 г. А. П. Смирнов работал в Государственной Академии истории материальной культуры и одновременно в Русском музее. В 1924 г. он становится доцентом Ленинградского университета, где читает общие и специальные курсы, а также ведет семинарские занятия по истории византийского искусства. Ученому не суждено было реализовать многие из своих творческих планов: в 1928 г. он был необоснованно репрессирован и погиб в Соловецких лагерях.¹

Количество увидевших свет работ А. П. Смирнова невелико. В их числе книга «Памятники византийской живописи» (Л., 1928), содержащая такие атрибуции икон, которые не утратили значение и через 60 лет, статьи 20-х гг.: «О времени появления константинопольской ксилопорты», «Фрески Супральского монастыря», «Греческий деревянный резной поставец», «К вопросу о первоначальной византийской композиции средника иконы Распятия». В 1975 г. в сборнике «Древнерусское искусство» А. В. Банк была опубликована статья А. П. Смирнова «Выносной чеканный крест греческой работы XI—XII веков». В настоящее время мною подготовлены и сданы в печать еще две статьи ученого: «Что такое скараник. К вопросу об одной спорной части византийского придворного об-

⁶⁴ Протоколы собраний ОИФ. III. 8 февраля 1917 г. § 92. С. 49—50; ЛО ААН СССР, ф. 2, оп. 1-1914, д. 48, л. 1—2.

¹ Краткие биографические данные об А. П. Смирнове см.: Древнерусское искусство: Зарубежные связи. М., 1975. С. 27. — Научная биография А. П. Смирнова будет опубликована В. Н. Залесской в сб. «Византиноведение в Эрмитаже» (Л., 1991), подготовленном к XVIII международному конгрессу византинистов в Москве.

А. П. Смирнов с учениками у баптистерия Уваровской базилики.
Херсонес, 1927 г.

лечения эпохи Палеологов» (для «Византийского временника», № 52) и «Греческий амулет из собрания академика Н. П. Лихачева с изображением чудесного убийства св. Меркурием Юлиана Отступника» (для «Советского искусствознания», 28). Два доклада о памятниках Херсонеса и Феодосии прилагаются к настоящей статье.

Архивные данные о работах А. П. Смирнова хранятся в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР и в Государственном Эрмитаже. В архиве института имеются ряд законченных работ Смирнова и протоколы заседаний, на которых они обсуждались; в Эрмитаже — конспекты и переводы источников, сделанные ученым, и литература по различным разделам средневековой истории. Эти материалы классифицированы по разделам. Каждый заключен в отдельный конверт большого формата, их насчитывается 80. Есть разделы общего характера, например «Христианское искусство Анатолии», «Миниатюры бесед Иакова Коккиновафского», «Планы греческих церквей», «Раскопки Константинополя»; подбор материалов для двух последних разделов, естественно, сильно устарел.

О широте интересов ученого дают представление следующие разделы: «Иудейское искусство эпохи эллинизма», «Искусство манихеев», «Живопись Эфиопии», «Ктиторские портреты и роль портрета в византийском искусстве», «Искусство Сицилии времени норманнского завоевания», «Пещерные города Крыма, раскопки на Та-

мани», «Колокола (происхождение и греческие термины)». Имеются разделы по всем видам прикладного искусства Византии (ткани, ставротёки и т. д.).

Наиболее любопытны подборки по четырем темам.

К о н с т а н т и н о п о л ь. Античные статуи на улицах и площадях города. Константинопольские реликвии на Западе после 1204 г. Эстетическая оценка города византийцами на примере высказываний патриарха Фотия и Константина Багрянородного.

И к о н о г р а ф и я. Иконография и культ святых воинов, особенно Христофора и Меркурия. О культе св. Недели. Месяцы и их циклы в византийском искусстве. История нимба. Христос Халкит и Антифонит. Символика орла. Аллегория в византийском искусстве. Иконография дьявола, Ада — Левиафана, адских сцен и всяческой чертовщины. Византийские суда, сцены на море. Иконография изображений виселицы.

И с к у с с т в о и л и т у р г и я. Роль иконостаса в литургическом действе. Структура религиозных гимнов. Церковные облачения (разбор греческих терминов и пояснения к ним).

Э к з о т и к а и д е т е к т и в в в и з а н т и й с к и х р о м а н а х.

Для занимающихся иконографией, литургией, историей византийского города архив А. П. Смирнова может быть не только интересен, но и полезен в работе.²

Из прилагаемых двух небольших конспектов докладов А. П. Смирнова наиболее интересен второй — «О росписи феодосийской карантинной церкви». Храм этот, так называемая церковь св. Стефана, до сих пор недостаточно изучен,³ живопись в значительной степени утрачена, так что фотографии 1926 г. могут оказаться небезынтесными для современного исследователя.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

А. П. С М И Р Н О В

К ВОПРОСУ О ВЛАХЕРНСКОМ ХРАМЕ ХЕРСОНЕСА*]

Настоящее небольшое сообщение получилось в результате пребывания в Херсонесе и некоторого сопоставления текстов с топо-

² Архив А. П. Смирнова хранится в Отделе Востока Эрмитажа, в кабинете А. В. Банк. Он не шифрован, материалы расставлены в ящиках наподобие библиографических карточек.

³ Дюбровский О. И. Фрески средневекового Крыма. Киев. 1966. С. 61—68.

* Доклад был прочитан автором 7 октября 1927 г. на объединенном заседании разряда археологии и раннехристианского и византийского искусства и разряда археологии и искусства средневекового Запада в Академии истории материальной культуры (ныне Ленинградское отделение Института археологии АН СССР). Текст доклада приводится в записи секретаря этого заседания

графическими данными на месте, позволившими отождествить крестообразный загородный храм 1902 г. с Влахернским херсонесским храмом. Основным доказательством правильности такого отождествления являются данные жития папы Мартина (они приведены и Шестаковым, и Д. В. Айналовым) в версии, сохраненной Анастасием Библиотекарем (приведенной Д. В. Айналовым по изданию Migne'a (Д. В. Айналов привлек еще и версию Сурия: *Surius. Hist. seu vitae sanctorum. Vol. XI. P. 440*)). Эту последнюю докладчик не привлекает, во-первых, так как не имеется названия храма Влахерны, во-вторых, потому что Сурий — писатель поздний (контрреформатор) и недостаточно щепетильно обращающийся с текстами.

Итак, остается один основной текст, сохранившийся у Анастасия Библиотекаря, но по времени, может быть, современный папе Мартину (приводится текст единственно известной латинской версии). Текст этот дает крайне интересные топографические указания. Базируясь на нем, Шестаков, а затем подробнее Д. В. Айналов построили свое отождествление Влахернского храма с крестообразным храмом. Докладчик дает краткую характеристику храма как имевшего выдающееся значение; окруженный стеной, оградой, он представлял своего рода самостоятельное укрепление, по предположению Бертье-Делагарда, являлся, так сказать, аванпостом Херсонеса. Кладка стен и общий характер здания не позволяют выводить постройку за Юстиниановскую пору, может быть, даже она раньше, во всяком случае не позже. Н. П. Кондаков проводил параллель между рассматриваемым храмом и Равеннской усыпальницей Галлы Платидии и считал, что херсонесский храм расположен над гробницей святого. Шестаков поставил вопрос об отождествлении его с Влахернским. Д. В. Айналов расширил, разобрал вопрос о мемориях вообще, сопоставил с традицией влахернских храмов вообще, затем с этой же традицией на Руси. Вопрос очень большой. Докладчик ограничивает себя топографической штудией, отмечает, что всем известный материал до сих пор использован не до конца. Так, например, не исчерпан материал житий херсонесских святителей.

Основным доводом за то, что Влахернский храм расположен над меморией папы Мартина, является то, что до сих пор в окрестностях Херсонеса не найдено другого примечательного храма с некрополем. Хотя с точки зрения докладчика почва Херсонеса далеко еще не раскопана, тем не менее он считает, что никакие будущие раскопки не поколеблют убеждения в том, что именно загородный крестообразный храм и есть Влахерны. Убеждение это черпается из данных выпещитированного жития. Докладчик обращает внимание на слова: *in[ter] tumulos sanctorum (positus est autem in tumulis sanctorum)*. Д. В. Айналов истолковывает эти слова как гробницы христиан (толкование раннехристианское). Термин *sanctus*, ἅγιος, с IV в.

Е. Ч. Скржинской (1897—1981). Подлинник хранится в Архиве ЛОИА АН СССР (ф. 2, оп. 21, д. 1-1927, л. 73—80) и публикуется ниже. Примечания А. П. Смирнова обозначены буквами.

* Айналов Д. В. Мемории св. Климента и св. Мартина в Херсонесе. М., 1915. С. 17.

начинает эволюционизировать в сторону специфичности значения этого слова и значит специально мученик. Кто же в Херсонесе мог пользоваться славой мученика? Это папа Климент и херсонесские святители (см. Латышева). В данном случае папа Климент отпадает как погребенный на островке Казачьей бухты. О святителях же известно следующее. Первый из них — Василевс (Василей — из лат.), — как известно, погребен у западной стены («погребается святое его тело в стене на западе града близ той же стены» — Супрасельская рукопись). Второй — Евферий — отпадает (погребен в устье Днепра); третий — Капитон — насадитель христианства в Херсонесе, не был мучеником и, следовательно, тоже отпадает. Останутся три предшественника Капитона и Евферия. О них в славянском изводе, восходящем, по-видимому, к какой-то очень ранней греческой редакции, отличающейся обилием топографических указаний, говорится, что их погребения находятся в восточной стороне. Эта славянская версия подтверждается в грузинской. В этих Минеях, восходящих, может быть, к VII в., получается прямое указание, что именно в восточной стороне надо искать эти гробницы мучеников. Были ли они искони святителями или были облечены этим саном в позднейшее время, сказать трудно. Потом здесь же среди их могил был погребен и папа Мартин. Этот некрополь позднее стал особенно популярен. Для Мартива гробница может быть найдена в северном рукаве храма. Где же находилась гробница Еввеприя? Возможно, что она была расположена вне храма.

Заканчивая свой доклад, А. П. Смирнов, обращаясь к константинопольским Влахернам, отметил, что там особая традиция, которой не приходится касаться в данном случае. Он отметил любопытную подробность: в константинопольском Влахернском храме тоже почитался какой-то святой по имени Мартин.

А. П. С М И Р Н О В

О РОСПИСИ ФЕОДСИЙСКОЙ КАРАНТИННОЙ ЦЕРКВИ*

Оговаривая предварительность данного сообщения, делаемого на основании наблюдений, произведенных летом 1926 г., когда, к сожалению, фотографические съемки не дали желаемого результата (посещение же Крыма в 1927 г. за недостатком средств лишило возможности вновь побывать в Феодосии), докладчик останавливается на иконографическом анализе росписи, главным образом алтарной.

* Доклад был прочитан автором 30 декабря 1927 г. на объединенном заседании разряда археологии и раннехристианского и византийского искусства и разряда археологии и искусства средневекового Запада в Академии истории материальной культуры. Текст доклада приводится в записи секретаря этого заседания Е. Ч. Скржинской. Подлинник хранится в Архиве ЛОИА АН СССР (ф. 2, оп. 24, д. 1-1927, л. 98) и публикуется ниже.

Церковь эта до сих пор хронологически не определена и тем паче роспись. Некоторые черты в иконографии алтарной росписи как будто дают возможность приблизительно наметить хронологические веки. Отметив фрагментарность и некоторые черты типично поздней разделки фонов, докладчик подробнее останавливается на одной детали данной в полукруге абсиды сцены Евхаристии, именно на причащении вином апостолов Христом не непосредственно из потира, а со лжицы, детали, которая до сих пор отмечалась лишь в поздних афонских памятниках и на которой особенно не останавливались. Появление лжицы в литургическом обиходе восточной церкви само по себе является проблемой христианской археологии. Повсеместно в византийской церкви она становится употребительной лишь с XII в., проникая с востока (ср. наблюдения Jerphanion'a). В памятниках восточнохристианской живописи с IX в. она уже встречается (Каппадокия), но исключительно в композициях, иллюстрирующих житийные моменты (Причащение св. Марии Египетской св. Зосимой); в догматическую композицию эта деталь, очевидно, внедряется позднее. Наиболее ранним памятником в этом смысле можно считать после издания болгарским Археологическим институтом роспись Погановского монастыря (1499 г.). Принимая во внимание своеобразное изящество изображения пророка Аввакума, встречаемого в такой реплике лишь в памятниках конца XV—начала XVI в. (икона Русского музея),⁴ и сопоставляя это с фактом большей древности Пагановской церкви, нежели Феоodosийской, докладчик считает, что датировать этот последний памятник необходимо XVI в.

Б. Н. ЛОССКИЙ

ПАМЯТИ АНДРЕЯ ГРАБАРА

В пятницу, 5 октября, в Париже на 95-м году жизни скончался Андрей Николаевич Грабар. Если говорить о вкладе русской ученой эмиграции во всеобщую культуру, ему как византологу следует отвести место у вершины шкалы ценностей наряду с такими ее представителями, как археолог Михаил Ростовцев или социолог Питирим Сорокин.

Андрей Николаевич Грабар родился в Киеве 26 июня 1896 г. в семье юриста, занимавшего высокий пост в окружной судебной администрации. Род Грабаров происходит из северной части русской Украины, где у них было до революции семейное поместье на Черниговщине, недалеко от южной границы Курской губернии. (Однако никак не прослеживается его связь с карпато-русской

⁴ Имеется в виду лжица, которую пророк держит в руках.